

Ая Тинси

ТОЛГОЛ
ТОЛГОЛ

Ая Тинси

Полночь ледяная

<https://litres.ru/73868587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студентка факультета архивного дела Марина Плотвина обнаруживает, что аномальные морозы и охватившая Архангельск эпидемия апатии — это возвращение «Карачуна», мистического заморозка, который уже едва не погубил город сто лет назад.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ая Тинси

Полночь ледяная

Глава 1

Марина вышла из дома как обычно в 8:15. Это было раньше, чем ей бы хотелось выходить из дома, и позже, чем требовалось, чтобы успеть сделать до пар то, что она так мечтала успеть сделать хоть раз.

В голове была мелкая не то что мечта, а так, образ, что она в красивом светлом пальто, улыбаясь, всплывает в аудиторию, держа в руках стаканчик сладкого кофе из кофешопа и не говорит, а мурлыкает доброе утро.

На деле же, каждый будний день Марины начинался с того, что она закрывала дверь неидеальной неуютной съёмной квартиры в 8:15 и думала не сегодня. Какое уж тут романтическое кофейное всплывание, когда она и голову не успела помыть, и вообще.

Никакого светлого пальто по фигуре, конечно же, тоже не было. Если это у тебя единственная зимняя верхняя одежда, и ты в Архангельске, то ты скорее всего бежишь на остановку в стандартном пуховике. У Марины этот пуховик был ярко-зелёный. «О чём я только думала!» Прохожие принимали студентку то за дорожную рабочую, то за начальницу скла-

да, то за доставщицу. «Да уж, бойся своих желаний! Мечтала быть актрисой, теперь весь мир — театр». Марина с детства грезила о сцене, но абсолютно ничего для своей мечты не сделала, даже в театральном кружке не занималась.

Когда еще учась в младших классах, она по секрету сказала маме о своих планах на будущее, та как-то странно засмеялась: да, известная артистка Марина Плотвина, дочь продавщицы и слесаря! С тех пор мечта так и заглохла, ударившись о реальность. В школе Марина училась прилежно, хоть и не показывала ничего выдающегося, и ей удалось поступить в настоящий Университет на бюджет. Будет первым человеком в их семье с высшим образованием, мама очень гордилась. Правда, специальность немного странная — архивное дело. Папа в шутку называл её «библиотекарша», хотя тоже наверняка гордился. Дал денег на съёмную квартиру: «Чего ты каждый день из Новодвинска на автобусе будешь в институт ездить?», и вообще очень хорошо помогал, говорил, лучше учись, вкалывать на работе ещё успеешь. Хватало только на плохонькую убитую хрущёвку вдали от Университета, и всё равно приходилось каждый день бежать на автобусную остановку. Марина не жаловалась, просто чувствовала досаду. Всё складывалось не так, как хотелось бы.

Уже было 8:30, а автобус всё не шёл. На остановке толпился народ, щурясь и вглядываясь в тёмный сумрак улицы. Может, в центре города и была зимняя сказка, здесь же, на окраине, грязный снег ледяными комьями лежал у края

дороги — запнёшься и упадёшь, ударишься больно. Марина отвернулась, разглядывая голые ветки кустов, торчащие из сугробов. Они даже не были похожи на костлявые руки, ничего пугающего, просто уныло. Марина просто стояла на остановке и размышляла о том, что её нелепые, но зато почти не скользящие ботинки — это даже хорошо, пусть она и не носит элегантные сапожки, как у однокурсницы Миланы. В этих сапожках Марина бы уже раз десять навернулась, пока на остановку бежала. Хотя зачем бежать, автобуса-то нет!

Толпа встрепенулась, и стала выстраиваться в плотное орудие, способное пошатнуть стены крепости. Все приготовились брать штурмом автобус, который уже приближался к остановке. Марина встала чуть поодаль, она не хотела опоздать, но как пробиваться локтями пока не понимала, да и скорее всего она поместится. Конечно, не так комфортно, но поместится. Внезапно толпа хором издала звук «э», а потом и другие звуки, но теперь уже выступали солисты, кто во что горазд. Долгожданный автобус проехал мимо, с невозмутимыми сонными пассажирами внутри и довольно возмущённым водителем, который махал руками, открывая и закрывая рот. Двери автобуса тоже то открывались, то закрывались, и скоро он скрылся из вида, так и не сбавляя скорость.

Видимо, учёба сегодня отменяется, расстроилась Марина. Она не настолько была влюблена в свой предмет, чтобы хотеть попасть в Университет во что бы то не стало, просто потом надо как-то оправдывать прогул, да и откуда-то брать

пройденный материал, а с однокурсниками пока общение не сложилось. Хотя вообще, это происшествие с автобусом даже к лучшему: не придётся позориться перед Дмитрием с немытой головой.

Дмитрий — так звали не пожилого председателя кафедры, а вполне молодого парня, который учился на одном курсе с Мариной. Родители — театральный режиссёр и актриса местного Архангельского театра Драмы — дали такое пафосное имя своему единственному сыну. Сам отпрыск известной в городе четы драматическое искусство презирал, и всячески желал обособиться от династии, даже в Университете намеренно выбрал непрестижную специальность, хотя быстро об этом пожалел: очень уж архивное дело было скучным. Дмитрий веселился как мог — подкалывал и студентов, и преподавателей, а те не обижались, поскольку обожали его родителей, просто журили и называли артистом, что невероятно его злило.

Марина уже собиралась вернуться домой, как автобус вернулся. Водитель распахнул двери, и виновато прокричал: «Не знаю, что случилось, я так чуть в Маймаксу не уехал! Тормоз не сработал, и всё...» Люди стали ворча протискиваться в автобус. Кто-то рядом с Мариной бубнил себе под нос: «Ага, пить надо меньше! Не знает он, что случилось, скажи ещё, что домовый балуется!» Марине удалось занять неудобное, но стратегически верное место у дверей. Какой ещё домовый, думала она, это же не дом, а автобус! На пары

она опоздает. Всё же лучше, чем прогул.

Глава 2

Эти сумерки, казалось, никогда не закончатся. Конечно, солнце ненадолго появлялось зимой, но еле-еле, как будто ему и самому было зябко. Большую часть дня было недостаточно светло, и Марина думала, что наверняка слишком короткий световой день во всём виноват. Поступив в Университет, она придумала себе роль, которую с успехом будет исполнять перед незнакомыми ей людьми. Не будет смеяться невпопад, не будет растерянной и рассеянной. Станет сообразительной, а когда не сможет блестяще отреагировать в процессе дискуссии на курсе, умело притворится, что ответ и не собирается озвучивать, ведь он всем должен быть очевиден. На деле, учеба в Университете не была похожа на книжные академии, а Марина не была похожа на типичных успешных главных героинь. Настоящая жизнь не была вдохновляющей, она скорее дышала ей в лицо чем-то прокисшим и неприятным, и если ты едешь в автобусе вместе с полусонными, полурастёкшимися в сумерках людьми, ты не можешь быть главной героиней.

«Хихик!»

Марина подняла глаза и оглядела салон. Вряд ли это кто-то из пассажиров сейчас засмеялся: все они были неподвижны, с полуопущенными веками и с выражениями лица, противоположными улыбке. Никто даже не обращал внимание

на водителя, который яростно ругался и беспомощно коло-тил всё подряд в кабине. Автобус опять проехал мимо оче-редную остановку, и Марина через подмёрзшее стекло на-блюдала, как люди провожают её взглядом.

«Я вообще попаду сегодня на пары?» Не было никаких гарантий, что она сможет выйти на нужной остановке. Такое было ощущение, что ей предстоит целую вечность кружить-ся по заснеженному ограниченному пространству, как будто внутри снежного шара вместе со всеми этими рыбами-кап-лями внутри. Марина смотрела в окно автобуса, но, так как было темно, она довольно хорошо видела людей внутри. Все находились в одинаковой полудрёме, с одинаковыми выра-жениями лица. Она вглядывалась и вглядывалась в каждо-го человека: пассажиры были всех возрастов, всевозмож-ных комплекций, у некоторых были монструозные шапки, у некоторых — покрасневшие от холода уши. Но лицо — лицо почему-то у всех было абсолютно одинаковым. Марина пе-ревела взгляд на очередное точно такое же отражение полу-сонного человека в ярко-зелёном пуховике, равномерно по-качивающегося в несущемся непонятно куда автобусе. Это было её, Маринино, отражение.

«Хихик!»

Автобус издал какой-то хлопающий-булькающий рёв и остановился. Водитель выругался, и между ругательствами стало понятно: приехали, выходите. Марина вылетела из ав-тобуса и понеслась в сторону Университета. К счастью, он

оказался рядом: автобус заглох всего за пару минут до остановки.

Глава 3

Одной рукой расстёгивая пуховик, другой рукой Марина резко потянула на себя дверь аудитории. «Извините за опоздание, что-то случилось с моим автобусом!» — Хотела сказать она чётко, но вышло хрипло и спутанно.

— О! Кто-то пиццу заказал? Как раз вовремя: я так проголодался! — пошутил Димитрий.

Марина проклинала свой пуховик предательского цвета. Звёздный однокурсник не упускал возможности пошутить на тему её работы в доставке.

— Прекрасная шутка, и звучит абсолютно по-новому! — Профессор Степан Борисович Борисов всегда говорил так, что как будто хвалит, но осадочек был как от осуждения. К словам не придерёшься. — Плотникова Мария, да? Сядьте, прошу вас! Я осмелился начать лекцию вовремя, не дождавшись вашего появления.

— Простите, это всё автобус, — Марина неловко оправдываясь стала пробираться к задним рядам лектория. Профессор ошибся, её фамилия Плотвина, а не Плотникова, но поправить его она не решилась.

Их курс был немногочисленным, к тому же кто-то прогуливал лекции, так что величественный лекционный зал старого корпуса Университета был явно им не по размерам. Скрипучие полы амфитеатра, поднимающиеся под самый

свод, огромные окна, заснеженные деревья Университетского парка, видневшиеся через них, и лампы, которые больше шумели, чем светили, создавали атмосферу по-настоящему тёмной академии. Это здание никогда не знало ремонта. Студенты других более перспективных направлений учились в новых оборудованных корпусах. Архивариусы были здесь всегда одни, и нарушить покой почти спящих студентов во время скучной лекции могли лишь редкие одинокие шаги, эхом раскатывающиеся по коридору.

Не было никакой необходимости залезать на самую верхнюю ступень, но Марина обычно сидела именно там, равнодушно слушая лекцию и наблюдая за тем, как ведут себя её однокурсники. Как правило, кто-то играл на телефоне, кто-то перекидывался записками, как младшеклассники, кто-то почти лежал, опустив голову на сложенные перед собой руки. Димитрий во время лекции успевал поставить галочки напротив всех пунктов в этом списке. «А если я нарисую пиццу, и кину ему эту записку, что он подумает? Что я больная, или посмеётся? Нет, наверное, это слишком глупо».

— Шубин, Димитрий, подойдите, пожалуйста, помогите разобраться с принтером. Я слишком стар для этих ваших новомодных печатающих волшебных машин. — Степан Борисович явно лукавил. На вид ему было около пятидесяти лет, и принтеры для его поколения точно не были в новинку.

Марине послышалось короткое хихиканье откуда-то из-за трибуны, такое же, как в автобусе. На руки Димитрия ни с

того ни с сего брызнула струя чернил.

— Шалит Шишига! — Будто бы ни капельки не удивившись заключил Степан Борисович.

— Что? Что вы сказали? — Димитрий не скрывал раздражение. Он безуспешно пытался оттереть чернила от рук с помощью листов, выдернутых из тетради.

— Ты пошто мне студентов пугаешь?

По лекторию пронёсся непонимающий шепот. Все переглядывались, неужели у именитого профессора Борисова не всё в порядке с головой?

— Шишига, говорю, пошаливает. Вы что, не знаете кто это? Ну, это позор! Вы же архангелогородцы, все поморы! Шишига — это такое мелкое существо, что всякие неурядицы устраивает. Вот, принтер нам испортила.

— Вы это сейчас серьёзно? — Димитрий почти справился с чернилами на руках, а принтер урча приступил к печати.

— Естественно! Мы же с вами давно знакомы, вы прекрасно осведомлены, что я всегда предельно серьёзен.

Считать это давним знакомством или нет, первокурсники определить не могли. Сейчас был декабрь, а первая лекция профессора была первого сентября. По речи Степана Борисовича никогда нельзя было понять, говорит он серьёзно или нет. Его часто считали странным, а его предмет не был лёгким, но и слухов о том, что профессор Борисов «валит» на экзамене, не было. Достаточно просто было слушать на лекциях. Слушать на лекциях! Марина, как обычно, витала где-

то над пространством аудитории, и не заметила, что профессор смотрит прямо ей в глаза.

— Архивному делу так просто не научишь. Важен опыт, многолетний опыт. Что я могу вам дать, первокурсникам? Которые и слушают-то невнимательно, это понятно, у вас другое на уме. Моя единственная задача — заинтересовать вас профессией. Поэтому...

Степан Борисович как фокусник достал откуда-то свёрток, расправил его на столе и позвал всех студентов подойти.

Марина увидела большую старинную карту города. Надпись не оставляла сомнений: «Плань Губерскаго Города Архангельска съ Солонбалою». Задание было на первый взгляд не сложное: выбрать любое здание, и подготовить по нему доклад. Можно пользоваться архивами университета, главным архивом, любыми источниками. Главное, к концу декабря иметь готовую презентацию. Марина водила глазами по карте, пытаясь выбрать подходящее. Ведь мало ли, выберет что-то непримечательное, о котором в архивах ничего попросту нет, и всё пропало — сессия завалена. Прицелившись поближе к центру и к набережной она закрыла глаза и наугад ткнула в карту.

— Я записываю, Троицкий Собор — Плотникова Мария.

— Извините, я Плотвина Марина, — если бы все не стояли так близко, то и не услышали бы её робкий едва шепчущий голос.

— Так что же вы молчали, я вас уже почти весь семестр

Плотниковой называю! Значит, доклад по Троицкому Собору готовит Плотвина Марина. Конечно, меня вряд ли удастся чем-то удивить, но постарайтесь удивиться сами и удивить своих однокурсников!

Последнюю фразу профессор Борисов произнёс, обращаясь уже ко всем, но Марине показалось, что эти слова тоже предназначались лично ей.

Глава 4

Итак, Троицкий собор. Начать Марина решила с архивов Университета. Там она выяснила, что его снесли в 1929 году, а сам Университет, ещё тогда вечерний педагогический институт, ведёт свою историю с 1932 года, и в его архиве буквально крохи о нужном соборе.

«Молодец, Марина, не оплошала, выбрала так выбрала! Какую-то непонятную церковь, которой мало того что нет давно, так ещё и вряд ли что-то может удивить в старой церкви. Борисов же сказал постараться удивиться! Я удивлена, какая же я неудачница».

Естественно, Марина всё это говорила не вслух, но работница университетского архива заметила вздохи, выражающие досаду.

— А что вы хотели? Вы же студенты архивного дела, вам нужно выше прыгать, идите в государственный архив, там всё есть!

В той части Архангельска Марина раньше не бывала. Она узнала, что здание архива стоит на набережной и решила пойти пешком, автобусам она сегодня не доверяла. Конечно же, на дорогу она потратила больше часа, хотя и было весьма приятно прогуляться по набережной. Из-за энергичной ходьбы довольно скоро перестало быть холодно, только лицо чуть-чуть покалывало. Да уж, размышляла Марина, почему

она здесь раньше не была? Знала бы, и выбрала здание завода, или вот этот купеческий деревянный дом, да хотя бы Гостиные Дворы! Она смотрела на заледеневшую бескрайнюю Северную Двину, пешеходную переправу по ней, и с одной стороны радовалась, что она живёт не на острове, а с другой представляла, как наверное было бы интересно каждый день ходить пешком по льду в город и из города, в темноте, ведь зимой рассветает поздно и темнеет рано, под тусклыми фонарями по деревянным мосткам. Не успев подумать про то, что бы она делала, когда ледоход прошёл, Марина очутилась перед дверями архива.

Ну и махина, подумала она. Выглядит жутко! Похоже на какую-то средневековую крепость, но в современном brutalном бетонном исполнении. Коричневые стены высокого короба изгибались по кривой линии, заходили за угол, и там, обходя вокруг, снова возвращались к главному входу. Делать нечего, раз уж пришла, придётся заходить внутрь.

— Так, ну! — Сказала нарядная ярко покрашенная женщина на пропускном пункте. — Ваш квиток?

— У, у меня его нет. Я не знала, что нужен.

— Первый раз что ли? Сколько говорить, что запросы надо до пятнадцати часов подавать, а после пятнадцати мы уже выдаём дела. — Женщина махнула рукой куда-то за своей спиной. Марина разглядела через открытые высокие двери огромный читальный зал, в котором сидело от силы человек пять, даже не перелистывая, а перекладывая страницы фо-

лиантов.

— До этого я была на парах в Университете, простите! Я не знала...

— Ладно, что у тебя? Социально-правовой вопрос? Генетологический? Сейчас заполним с тобой анкету, и придёшь потом через семь... четырнадцать рабочих дней, мы тебе выдадим дела.

— Так долго? А сегодня нельзя? Мне для учёбы надо!

— Нельзя! Такие правила, и они для всех одинаковы. Ты документы взяла?

— Вот, студенческий билет. Мне нужна вся информация про Троицкий собор.

Внезапно в читательском зале раздался визг, полный горечи. Худой мужчина в очках стоял с листом в руках и нелепо хлопал глазами. Женщина на пропускном пункте всплеснула руками, бросила заполнять анкету Марины и очень прытко побежала в читальный зал, по дороге сквозь зубы шипя что-то вроде «чтобы я ещё раз!» и «как так можно — ценный документ!» Видимо, тот мужчина порвал страницу очень важной книги, и это разбирательство надолго.

Марина решила подождать, раз уж пришла. Она смотрела по сторонам, разглядывала архив изнутри, и думала, как интересно, что снаружи он кажется даже меньше. Справа от входа Марина заметила приоткрытую дверь, сбоку от которой висел прикрепленный на скотч лист бумаги. Видимо, подул какой-то сквозняк, и эта импровизированная таблич-

ка не выдержала, и сорвалась на пол, затоптанный мокрыми следами растаявшего снега. Марина подняла бумажку с пола, она гласила «Бывш. Гор. 17-19 вв. из к. 10457».

Решительно ничего не было понятно, кроме того, что похоже именно за этой дверью архивные материалы семнадцатого века, может там нужное дело нужного собора? А что если она принесёт туда упавший листок, и добрые архивариусы сжалятся, и помогут ей? Удостоверившись, что привратница всё ещё поглощена происшествием в читальном зале, Марина юркнула за слегка приоткрытую дверь.

Глава 5

За дверью была узкая лестница, ведущая в холодный тёмный подвал. Марина осторожно спускалась по ней, с каждой ступенькой чувствуя нарастающий запах сырости. Странно, подумала она, они что тут, экономят на электричестве и совершенно не следят за... за условиями хранения. Хотя, возможно, это идеальная влажность и идеальная температура для старой бумаги. Точно! И свет ей не нужен, только мешает. Но вот для людей эти условия ужасные. Неужели, когда я закончу университет, буду работать в таком унылом месте, как эта бедная женщина?

В ближнем углу подвала, перед стенами тесных стеллажей, за столом с красно-жёлтой лампой сидел кто-то, ссутулившись над небольшой книгой. Сначала Марине показалось, что это сухонькая старушка, но разве у сухонькой старушки могли быть такие длинные густые волнистые волосы, даже седая прядь смотрелась стильно? И такой модный маникюр — женщина водила по строчкам книги наращённым ногтем с тёмным градиентом. Наряд разглядеть не удалось — она куталась в пушистую шаль тёмно-зелёного оттенка.

— Простите, у вас тут упало. — Марина протянула немного промокший листок с загадочной надписью.

— У меня? — женщина подняла голову, оказалось, у неё было очень взрослое лицо человека, который не привык да-

вать поблажки ни себе, ни другим. Точно возраст определить было невозможно, но как будто она делает все омолаживающие процедуры, и они срабатывают. Строгий злой взгляд глубоко посаженных глаз из-под чётко очерченных бровей отпугивал, Марина начала заикаться.

— На входе вот в этот архив... висело... сорвалось... никого не было, я решила принести вам...

— Ты кто такая? — Голос готической красавицы звенел в ушах.

— Я студентка, ищу в архиве информацию про Троицкий собор...

— Тебе нельзя быть здесь!

Этот голос точно бил в грудь и по плечам колючими толчками, а взгляд как будто душил. Марина почувствовала, что у неё поднялась температура, и весь воздух будто кто-то высосал прямо у неё из лёгких. Уже теряя сознание, ей чудилось, что ведьма скребёт своим наманикюренным ногтем ямочку между ключиц, находит ниточку, на которой держалась Марицина жизнь, и стремительно вырывает.

Она пришла в себя от дуновения свежего воздуха, и услышала голос, доносящийся откуда-то сверху и постепенно приближающийся.

— Я говорила тебе, Семён Андреевич, этот замок придуман, чтобы свести меня с ума! Почему чёртова дверь открывается и закрывается сама по себе? Если бы я не заинтересовалась, и не увидела по камерам, что сюда зашла эта сту-

денточка... Ты в порядке, милая?

Это была женщина-привратница в компании усатого мужичка в тёмно-синем костюме. Марина оглядела подвал. Он был пуст: ни готической красавицы, ни лампы на её столе. Куда же она ушла вместе с лампой?

— Извините, я не знала, что нельзя сюда заходить. Эта бумажка упала и я подумала, надо её занести, но ваша коллега мне объяснила, что мне нельзя было...

— Какая коллега?

— Которая работает в этом зале, за этим столом.

— Ох, девочка. Неудивительно, что тебе стало плохо, и ты упала в обморок. В этом подвале никто не работает, потому что это невозможно. Мы просто по камерам следим. — Она показала пальцем на камеру над входом. Тут никого нет, только я или Семён Андреевич за делами можем спуститься на пару минут. Дольше тут выдержать невозможно.

— Извините. Я нарушила правила? Вы мне найдёте информацию про Троицкий собор?

— Для тебя учёба важнее здоровья? Знаешь что, иди домой, а завтра приходи после пятнадцати, и мы с Семёном Андреевичем в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.